

Коршунова С.И.

ДИАЛОГИЗМ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА 1860-Х ГОДОВ

Предметом дослідження стали жанрово-стилістичні форми діалогічності в ліриці М. Некрасова 1860-х років. Вдалося з'ясувати, що вірші М. Некрасова, в яких йдеться про значення епохи і «людини 40-х років», є системою «художньої комунікації» літературного героя зі Світом, що дозволяє говорити про пріоритетність діалогізму як естетичної стратегії автора.

Ключові слова: діалог, антропологізм, художня форма, діалогізм, «люди 40-х років», художня комунікація, М. Некрасов.

Одним из путей актуализации заложенных в литературный текст смыслов является прочтение его в свете теории диалога. Вслед за М.М. Бахтиным мы сегодня рассматриваем диалог как тенденцию художественного мышления, исходя из «диалогической» природы творческого сознания и слова в истории литературы и культуры в целом [1]. Эстетика М.М. Бахтина – это ключ к исследованию диалогичности слова, диалогичности высказывания, постижению диалога текстов в «большом времени» и «бесконечного и незавершимого диалога» культур, культурных сознаний, запечатленных в текстах. Бахтинская эстетика дала новый мощный импульс для углублённого изучения классики и постижения всего мегатекста мировой литературы.

По наблюдению М.М. Гиршмана, за последние десятилетия из второстепенного момента поэтической техники диалог стал рассматриваться «в качестве одного из возможных языков описания и осмысления специфики словесно-художественного произведения» [2, 8]. Это положение коррелирует с идеей М.М. Бахтина о том, что категория «диалога» приобретает мировоззренческий статус, формирующий и эстетическую позицию писателя, и те художественные формы, которые наиболее адекватным образом позволяют ее выразить. Предложенный М.М. Бахтиным подход сохраняет за диалогом статус реального жизненного отношения и одновременно расширяет смыслы самого понятия «диалог», которые охватывают огромную сферу отношений, обладая при этом разной степенью выраженности.

Таким образом, используя возможности диалогического подхода, сегодня можно проникнуть в более глубокие пласты художественного текста, изучая его поэтику, структуру художественного образа. Предметом нашего исследования станет диалогическое начало и формы его поэтического воплощения в лирике Н.А. Некрасова 60-х годов.

Поэзия Некрасова исследована, казалось бы, достаточно полно. Нет сомнения, что фундаментальные работы В.Е. Евгеньева-Максимова, М.М. Гина, А.М. Гаркави Б.О. Кормана, Г.В. Краснова, Н.Н. Скатова, М.В. Теплинского и других некрасоведов являются солидным достижением литературоведческой науки. Однако само творчество Н.А. Некрасова образует настолько мощное смысловое поле, авторская индивидуальность настолько неповторима, что процесс его изучения можно считать неисчерпаемым. На современном этапе изучения поэзии Н.А. Некрасова продуктивным, на наш взгляд, является исследование её диалогической природы, которая стала «одним из самых действенных средств формирования поэтической мысли» (В.В. Фёдоров) поэта.

Диалогичность как реальный жизненный акт и как художественно-стилистический приём характерна для некрасовской поэзии ещё с 1840-х годов. Поэт часто использует прямые обращения к Музе, родной земле, буре, матери, возлюбленной, вельможе и т.д. Некоторые стихи обретают форму буквального диалога, скажем, «В дороге», «Поэт и гражданин», «Школьник», «Знахарка», «Песня Ерёмушке» и другие. Однако в 60-е годы диалогизм становится важнейшим фактором проявления лирического Я поэта. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что, во-первых, наступило время предварительного итога той общественной работы, которую проводила русская прогрессивная общественность, участвуя в обсуждении вопросов об отмене крепостного права и либерализации российской жизни вообще. Во-вторых, свобода крестьян вызывала не меньше вопросов, и одним из главных был: действительно ли изменилась жизнь крестьянства после 1861-го года? Это были непростые вопросы, но для Некрасова они пришлись ко времени ещё и потому, что поэт вышел на определённый жизненный рубеж. Ему исполнилось сорок лет, а ожидаемой стабильности не предвиделось: потеря друзей и единомышленников, аресты ближайших соратников, угроза, а затем и окончательное закрытие любимого детища – «Современника», что подтолкнуло поэта «исторгнуть неверный звук у лиры». Этим воспользуются не только враги, усилившие травлю поэта, скажем, князь В.П. Мещерский, опубликовавший брошюру «Десять лет из жизни редактора журнала». Бывшие сотрудники «Современника» М. Антонович и Ю. Жуковский, не приглашённые Некрасовым в обновлённые «Отечественные записки», также в 1869 году

выпустили пасквиль на Н.А. Некрасова – «Материалы для характеристики русской литературы». К тому же ставилось под сомнение всё дело его жизни. В печати, и не только враждебной Некрасову, но и в демократических изданиях, таких как «Русское слово», а затем и «Дело», утверждалось мнение, что Некрасова нельзя называть «народным поэтом», потому что он «только берёт на откуп народные слёзы» [5, 302], а сам остаётся барином по сословной поведенческой модели.

Фактически, Н.А. Некрасов вышел на рубеж осмысления проблемы «Я и Мир». Диалогизм обретает у поэта онтологический статус, выполняя при этом референтную художественную функцию. Поэт находит и те художественные формы, которые наиболее адекватным образом позволяют ей актуализироваться. В итоге появляется замысел большого эпического полотна о состоянии пореформенной Руси, которое поэт писал до конца жизни, и лирические диалоги в стихах.

Достаточно первого прочтения стихотворного блока поэтического наследия Н.А. Некрасова 1860-70-х годов, чтобы прийти к заключению, что все стихи (подчёркиваем – все!) строятся как адресованная реплика, или как диалог с разными адресатами, или как автодиалог. Среди нескольких важных для поэта тем, выделим одну, которая обретает для него статус актуальной – исторические итоги общественной деятельности «человека 40-х годов». Надо отметить, что интерес к эпохе и типам предшествовавшего реформам десятилетия был у русского общества постоянным. Но одни стали обвинять это поколение в консерватизме и требовать, чтобы оно сошло со сцены и не мешало развитию прогресса. Другие инкриминировали ему в вину порождение «нигилизма» 60-х годов. Эту тему поднимали многие писатели, пережившие эпоху общественного подъёма, испытывавшие влияние В.Г. Белинского, а в 60-е годы оказавшиеся в разных общественных лагерях. А.Ф. Писемский пишет роман «Взбаламученное море», «Люди сороковых годов». Ф.М. Достоевский рисует этот тип в романе «Бесы». Поднимают антинигилистическую тему Н.С. Лесков в романах «Некуда», «Обойденные», «На ножах», «Соборяне», В.П. Ключников в романе «Марево», В.В. Крестовский в романах «Панургово стадо» и «Две силы». Характеристику человека 40-х годов и оценку его исторической роли мы найдём в критике журналов «Отечественные записки», «Дело», «Русский вестник». Этот ряд можно продолжить, но для нас важен исторический факт, всеми признанный: «без людей 40-х годов не было бы людей 60-х» [4, 20]. Однако, если этот вывод не вызывал ни у кого возражения, то часть интеллигенции, например, разделявшей мнение журналов «Дело», была убеждена, что время людей 40-х годов прошло и им пора замолчать и уступить место новым деятелям.

То, что Н.А. Некрасов активно включился в диалог о значении эпохи 40-х годов, было естественно. Он не просто относился к этому поколению, он был одним из его харизматичных лидеров, словом, как делом, приближавшим смену исторических вех. Однако поэт отнюдь не считал свою миссию выполненной. Новое время ставило новые задачи перед певцом, но в антропологическом формате они оставались прежними. Говоря его же словами, «на место сетей крепостных люди придумали много иных». Как поэту, мышление которого характеризовалось высокой степенью сочетания личностного и общественного, Некрасову важно было подчеркнуть внутреннюю причастность людей 40-х годов к современности. Социально-психологический портрет общественного типа 40-х годов Н.А. Некрасов репродуцирует в ряде стихов, чтобы, очевидно, подчеркнуть различие типов той эпохи и выделить в отдельную категорию Поэта, не прекращающего свою Прометееву работу.

Человеку 40-х годов Н.А. Некрасов посвящает целый ряд стихов: «Человек 40-х годов», «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота», «Зачем меня на части рвёте», «Элегия», «Сыны «народного бича»...», «Баюшки-баю», «Отъезжающему», «Уныние», «Тургеневу» и другие. Следует отметить, что в лирике поэта представлено три типа сознания человека 40-х годов. Первый – это тип «честного либерала», «лишнего» человека – «герои слова, а на деле – дети». Второй – «великосветский либерал», воспользовавшийся реформами, заполучивший доходное место. Третий – «горемыка-певец», не знавший свободы ни тогда, ни теперь.

О людях и времени 40-х годов ведут между собой разговор два героя «Медвежьей охоты», представители той эпохи – Миша и Пальцов. Первый тип – «чистоплотный либерал», или «лишний человек», или «аристократ, гуляка и лентяй», в котором Пальцов узнал себя, замечательно охарактеризован Мишей. Снисходительный тон, которым он говорит об этом типе, вызван тем, что «реального усилия» для борьбы со злом, с грязью жизни либерал «не делал никогда». Но его стоит уважать только за то, говорит герой Некрасова, что он «...стоял перед отчизною, // Честен мыслью, сердцем чист, // Воплощённой укоризною, // Либерал-идеалист» [3, 17].

Удивительным по откровенности является стихотворение «Человек 40-х годов». Это уже монолог самого либерала, самооценка которого перекликается с мнением Миши: «Я добр, я честен; я служить // Не соглашусь дурному делу». И хотя, как говорит он о себе: «Я не продам за деньги мненья», однако гражданская смелость всё же ему не свойственна: «Но иногда пройти сторонкой // В вопросе грозном и живом, // Но понижать мой голос звонкий // Перед влиятельным лицом – // Увы! вошло в мою натуру!» [3, 27]. Такое поведение он объясняет жестоким жребием «рождён-

ных в двадцать пятом году и около того»: «Не от рожденья я таков, // Но я прошёл через цензуру // Незабываемых годов» [3, 27].

По этой же причине Миша из «Медвежьей охоты» также берёт под защиту этот общественный тип 40-х годов: «Кто выдержал то время роковое, // Есть от чего ему и отдохнуть» [3, 18].

О самом времени Миша говорит так:

То время, как слова «свобода», «гласность»,

.....

Не слышались и в шутку между нами.

Когда считался зверем либерал,

Когда слова «общественное благо»

И произность нужна была отвага,

Которую никто не обладал! [3, 14]

Н.А. Некрасов, хорошо прочувствовавший на себе цену слова «свобода», являл собой единство двух эпох и, конечно, как никто, понимал и различие между ними. Однако, в отличие от поколения, сформировавшегося в предреформенные годы, не пострадавшего от последних судорог николаевского режима, он понимал, что пережить ту эпоху и остаться хотя бы честным либералом – уже стоит уважения. Откуда у поэта желание взять под защиту «диалектика обаятельного»? Ведь в поэме «Саша» 1856-го года Н.А. Некрасов, фактически, высмеял этот тип, от которого не ожидал реальной пользы в решении вопроса об отмене крепостничества. Ответ мы найдём в стихотворениях, так называемого, покаянного цикла: «Недолгая нас буря укрепляет, // Хоть ею мы мгновенно смущены, // Но долгая – навеки поселяет // В душе привычки робкой тишины» [3, 40].

И когда герой стиха «Человек 40-х годов» говорит о себе: «гибнуть жертвой убежденья я не могу... я не могу», то в контексте всего сказанного это двойное «я не могу...», произносимое столь откровенно «человеком 40-х годов», звучит трагично. Знаковым, на наш взгляд, будет оправдание «честного либерала» 40-х годов в «Медвежьей охоте»: «Не предали они – они устали // Свой крест нести» [3, 18].

Тот же герой, обращаясь к современной молодёжи 60-х годов, готовой осудить предшественников за нерешительность действий, предупреждает: «Но, кто твоё держал когда-то знамя, // Тех не пятнай!» [3, 18].

Если Пальцов представляет тип «диалектика обаятельного», то Миша, скорее, «великосветский либерал», «друг народа, друг наук» и в «комитетах заседает». Он при должности, «здоров до избытка, шутник, хохотун», как сказано о нём в ремарке [3, 5], но благодарен 40-м годам за тот «перл», который остался в его душе, тот урок, «Что можно личным горем не страдать // И плакать честными слезами» [3, 21]

Воздавая должное общественным деятелям 40-х годов, поэт, на наш взгляд, стремился соединить две эпохи, столь близкие между собой и, в то же время, уже отдаляющиеся друг от друга. Поскольку историческим итогом 40-х годов стали 60-е, то диалог между ними был необходим во имя достижения одних и тех же целей: продолжения социальных преобразований, ибо общими оставался антропологический детерминант. В контексте общей интенции творчества Н.А. Некрасова 60-х годов, («Я и Мир») проблема «человека 40-х годов» реализуется в модусе «Я и Социум». Диалог как путь к взаимопониманию и самопознанию в обществе обретает у Н.А. Некрасова соответствующие жанрово-стилистические формы выражения: «Медвежья охота» – сцены из лирической комедии, «Человек 40-х годов», «Зачем меня на части рвёте...», «Элегия», «Сыны «народного бича»...» – исповедальный монолог, обращённый к читателю не как к пассивному адресату, а как собеседнику, настроенному на общую эмоциональную волну. Следует отметить, что монологи Н.А. Некрасова построены так, что в них чувствуется участие голоса-собеседника: стихотворение – ответ на реплику или точку зрения собеседника. В этом смысле стихи Некрасова выступают как событие или, по М. Бахтину, как событие в великом диалоге эпохи о путях и участниках одного из этапов исторического пути России. Следует учесть ещё один важный фактор: Некрасов был журналистом, а это значит, что отклик читателя был для него очень важен. Диалог с читателем, ориентация на его интерес диктовали стратегию творчества поэта. В целом же, можно сделать вывод, что мы наблюдаем систему «художественной коммуникации» литературного героя Н.А. Некрасова с Миром, что позволяет рассматривать стихи поэта как важное свидетельство антропологической ситуации в России 60-х-70-х годов XIX века.

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. [Изд. 4-е.] / М.М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Гиршман М.М. Литературное произведение в свете философии и филологии диалога // Поэтика и риторика диалога : [сб. науч. статей к юбилею профессора Т.Е. Атухович]. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. – С. 8–17.

3. Некрасов Н.А. Полное собр. соч. и писем: в 15-ти т. / Н.А. Некрасов. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. – Т. 3. – 512 с.
4. Шелгунов Н.В. Люди 40-х и 60-х годов / Н.В. Шелгунов // Дело. – 1869. – № 9. – С. 20–62.
5. Языков Н. (Шелгунов Н.В.) Заметка о русских литературных идеалах / Н. Языков // Дело. – 1878. – № 5. – С. 300–330.

Summary. The subject matter of the research is the genre and stylistic forms of the dialogism in the lyrics of the 1860th years. On the modern level of the poetry study by N. Nekrasov the research of its dialogical nature is rather productive, while it has become one of the effective means of the poet's poetical thought formation. The actuality of this approach can be explained by the fact that with this poet the dialogism obtains an ontological status while performing the referent artistic function.

Dialogism as a real life act and as an artistic and stylistic method was a characteristic feature of Nekrasov poetry since 1840th. But in the 60th dialogism became an important factor of the poet's lyrical self revelation. It could be motivated by the fact that the poet reached the level of comprehending of the problem "World and Me". The poet discovered those artistic forms which allowed this problem implement itself in the most adequate form. In fact, all N. Nekrasov's poems are built as an addressed replica, as a dialogue with different addressees or as a self-dialogue. Among several important themes one is singled out as the most topical – it's the historical summary of the public activity of "the man of the 40th". The fact that the poet actively joined in the dialogue about the 40th epoch meaning was rather natural while he was not just the representative of this generation, but one of its leaders. It was important to him to show the 40th people inner complicity in the modernity. Paying respects to the public figures of the 40th, the poet tried to unite two epochs which were close to each other and at the same time which were in the process of drifting away from each other. That's why, as the poet probably thought, they needed a dialogue, as their historical aim was the same: the continuation of the social changes, as they had the anthropological determinant in common. The results of the research show that the poems by N. Nekrasov, which deal with the meaning of the epoch and «a person of 40th», make the system of the "artistic communication" of the literary character with the World, and this allows us to speak about the priority of the dialogism as the main author's strategy

Key words: dialogue, anthropologism, artistic form, dialogism, «a person of 40th», artistic communication, N. Nekrasov.

Отримано: 22.07.2014 р.

УДК 821.111(73)К-3.09

Костенко Г.М.

ВПЛИВ ДЖ. КОНРАДА НА АМЕРИКАНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ (ФІЦДЖЕРАЛД, ХЕМІНГУЕЙ)

Парадигмою дослідження є вплив, який справила письменницька манера Конрада на наступні покоління англійських і особливо американських літераторів. Метою дослідження стає аналіз літературних паралелей між «Серцем темряви» Конрада, романом Ф.С. Фіцджералда «Великий Гетсбі» і оповіданням Хемінгуея «Вбивці».

Ключові слова: письменницька манера, творча спадщина, «особа від автора», «точка зору», романтичний герой.

Парадигмою дослідження є вплив, який справила письменницька манера Конрада на наступні покоління англійських і особливо американських літераторів, питання, що не одержало достатнього висвітлення у вітчизняному літературознавстві, що й обумовлює актуальність статті. Метою дослідження є аналіз літературних паралелей між «Серцем темряви» Конрада, романом Ф. С. Фіцджералда «Великий Гетсбі» і оповіданням Е. Хемінгуея «Вбивці».

Серед наукових праць, присвячених впливу Конрада на англомовних літераторів, можна згадати тільки монографію А. Н. Горбунова «Романи Френсіса Скотта Фіцджералда» (1974), в якій він досліджує паралелі між ранніми творами Конрада і романом Ф. С. Фіцджералда «Великий Гетсбі», та роботи Л. Ахмечета, присвячені концепції людини у Джозефа Конрада і американських письменників (Фіцджералд, Хемінгуей, Фолкнер). Л. Ахмечет видзначав спільне трагічне світовідчуття в Конрада й американських літераторів: «Для Хемінгуея і Конрада залишається непохитним кодекс людської поведінки: вірність обов'язку і самому собі, мужність і професійна